

Утром, когда Жун Фэн открыл глаза, в постели уже никого не было. Он протянул руку к тому месту, где лежал Бянь Хун, постель была холодной, значит, тот ушёл уже давно. Он открыл дверь и увидел, что один взрослый и двое малышей давно встали. На кухне они уже вскипятили воду. Молодой ланьцзюнь зачерпнул немного горячей воды в таз, отнёс его в главную комнату к матери, а спустя некоторое время вынес обратно. Всё той же водой он прополоскал полотенце, отжал его и, пока от ткани поднимался пар, начал вытирать лица двум детям.

Малыши задержали дыхание, закрыли глаза и сморщились, позволяя брату «хозяйничать» у себя на лице. Один за другим, совершенно неподвижно и очень послушно. Лишь когда умывание закончилось, они шумно выдохнули и, с разгорячёнными от тёплого полотенца лицами, закатали рукава и побежали мыть руки.

Когда всё было приведено в порядок, старший из детей, Юаньдин, присел у очага и стал разводить огонь. Младшего, кажется, звали Гуаньбао, он держал маленькую миску и мыл рис; из-за роста она была ему велика, и он едва справлялся с полной до краёв посудой. Оба ребёнка работали очень старательно и усердно, да и настроение у них, судя по всему, было хорошее.

А ланьцзюнь тем временем ловко принялся варить кашу, а затем, стоя у плиты, начал прилеплять лепёшки к краю котла. Небольшая миска кукурузной муки в его руках была замешана неизвестно как, но консистенция получилась в самый раз - ни сухо, ни жидко. Стоило ему взмахнуть рукой, как круглая лепёшка тут же прилипла к стенке котла, ровная и красивая. Вскоре весь котёл по кругу был облеплен такими жарящимися лепёшками.

Наверное, взгляд Жун Фэна был слишком прямым, потому что ланьцзюнь сразу это заметил. Сначала он на мгновение замер с работой в руках, потом отвернул лицо, но тут же повернулся обратно и, вытянув руку, всё ещё испачканную тестом, указал на таз с только что сменённой горячей водой.

Жун Фэну вдруг показалось, что сегодня погода необычайно хороша - солнце светило тепло и ласково. Он шагнул вперёд, тоже зашёл на кухню и, не раздумывая, сунул руку в таз с уже использованной водой для умывания.

Бянь Хун наконец остановил его вслух:

— Эй, в этом тазу я уже умывался.

Жун Фэн, плескаясь и растирая лицо, между делом ответил:

— Ничего страшного.

Бянь Хун почувствовал неловкость. Он старался привыкнуть к этому «хищнику», вторгшемуся на его территорию и в зону его настороженности. Он уже предвидел, что будет шаг за шагом отступать, а «хищник» уверенно продвигаться вперёд. В конце концов, когда ты живешь под чужой крышей, даже если не кланяешься, всё равно приходится хоть немного склонять

голову*. Тем более что этот «хищник» выглядел очень красивым и, кажется, был ещё и по-своему добрым.

(ПП: это китайская пословица, означающая, что когда человек находится под контролем других или в их сфере влияния, у него нет иного выбора, кроме как пойти на компромисс и временно подчиниться)

Первый снег никогда долго не держится: даже если его выпало немало, стоит солнцу показаться, и он тает наполовину. Лишь в тенистых местах ещё остаются целые пятна снега, например под фруктовыми деревьями во дворе.

Позавтракав, Бянь Хун повесил на руку ту самую плетёную корзинку из кухни и, ступая по тонкому слою снега, повёл за собой двух детей собирать упавшие плоды. То ли из-за ночного ветра и снега, то ли потому, что плоды уже полностью созрели, яблони и финиковые деревья почти полностью осыпались. На ветвях остались лишь постепенно высыхающие сучья да кое-где налипший снег. В скудную зиму такие плоды были настоящей редкостью и ценностью. Бянь Хун решил часть яблочек высушить, а часть сварить и сделать из них повидло - так они смогут храниться ещё какое-то время. А финики, созревшие при резких перепадах дневной и ночной температуры и в год засухи, после подсушивания стали удивительно сладкими.

С тех пор как Бянь Хун попал в этот мир, он уже семь-восемь лет не ел сахара. Юаньдин и Гуаньбао тем более. За свои короткие годы они даже не знали, что такое «сладкое». Они всё время спасались бегством, были заняты лишь выживанием; даже поесть досыта было роскошью. В самые голодные моменты они порой тайком, когда никто не видел, глотали пригоршни земли.

Когда Бянь Хун вынул твёрдые косточки и положил сладкие финики в их маленькие рты, оба ребёнка недоверчиво вытаращили глаза. Но, съев всего по несколько штук, они больше не стали есть, а наоборот, бережно собрали все финики в плетеную корзинку Бянь Хуна, оставив их как надежду и как память.

Снег под деревьями лежал неглубокий, едва доходил до щиколоток, и плоды были придавлены под ним. Поэтому трое братьев, не жалея сил и не боясь холода, с огромным усердием собирали фрукты, не желая пропустить ни одного. Но когда Юаньдин и Гуаньбао, радостно неся маленькую корзинку, полную плодов, вернулись во двор, они увидели, что Бянь Хун на земле сматывает верёвки, а Жун Фэн снова надел бамбуковую шляпу, взвалил на плечо узел и, похоже, собирается выходить.

Двое детей тут же перепугались: они бросили плетеную корзинку и, бегом подскочив, уткнулись в объятия Бянь Хуна.

— Брат Си, ты опять уходишь? Возьми нас с собой, брат Си!

Гуаньбао, подбегая, споткнулся и упал, теперь он обнимал ногу Бянь Хуна и обиженно всхлипывал. Бянь Хун поспешно прижал детей к себе и объяснил:

— Брат Си никуда далеко не уходит. Просто ваш старший брат идёт в горы, а брат Си остаётся дома с вами.

Под «старшим братом» он имел в виду Жун Фэна. По местным обычаям, если ланцзюнь женится, младшие братья называют его супругу «старшей невесткой», а если выходит замуж за мужчину, то младшие должны называть мужа по старшинству своего брата - старшим братом или вторым братом.

Дети, ещё секунду назад с полными слёз глазами, услышав, что Бянь Хун никуда не уходит, сразу успокоились, побежали обратно и поспешно собрали упавшие на землю плоды обратно в корзинку. Юаньдин даже подошел, помогая Бянь Хуну распутывать верёвки, а когда Жун Фэн, закинув за спину уложенный вьюк, направился к выходу, тот встал у двери и с почтением проводил его. Он уже ушёл довольно далеко, а мальчишка всё ещё махал рукой у порога, будто прогонял кур или гнал собак.

Жун Фэн, оглянувшись на двух ребятишек у двери, провожавших его, словно злого духа, не сдержал смешка. Действительно, понять, что творится у детей на уме, не так уж трудно. Но вот их старший брат с той же фамилией Минь, - с ним всё куда сложнее, он и впрямь порой действовал на нервы своей непостижимостью.

Жун Фэн не мог нащупать правильную дистанцию с этим ланцзюнем. Стоит оказаться слишком далеко - мать сразу заподозрит неладное. Но стоило лишь приблизиться, даже чуть-чуть сократить расстояние, и тот тут же пугливо сжимался, как птица, вспорхнувшая от внезапного щелчка пращи, или как черепаха, которой разбили панцирь камнем, - мгновенно втягивался в себя, молча и упрямо.

Сначала Жун Фэн думал, что тот просто его боится. В деревнях кругом что ни день, то новые слухи, кто знает, во что его образ уже превратили. А ведь и правда, эти глаза разного цвета внушали тревогу. Порой, умываясь или опускаясь за водой, он сам ловил своё отражение в воде и с неохотой отводил взгляд, как же тогда упрекать других за то, что они испытывают то же самое?

Но, похоже, дело было не только в этом. В тот день, когда тот самый маленький ланцзюнь поднял голову, и из-под растрёпанной чёлки на него спокойно взглянули чёрные глаза, Жун Фэн испытал сильное потрясение. В том взгляде не было ни желания, ни страха, это были глаза человека, для которого жизнь и смерть не значили почти ничего, будто бы ничто в этом мире не могло оставить в них следа.

Однако появление двух детей позволило Жун Фэну увидеть другую сторону Минь Си, ту, что была надёжно спрятана, которую тот, казалось, никому не показывал.

Шагая вперёд, Жун Фэн вдруг очнулся от своих мыслей. Его охватило резкое осознание: он слишком много думает об этом человеке. Проявлять излишний интерес, пытаться понять, что скрывается в душе другого, - в этом нет ничего хорошего. Тем более, если речь идёт о человеке, с которым уже следующей весной их пути окончательно разойдутся.

Он резко оборвал свои размышления и прибавил шагу - хотел успеть засветло добраться до того места, где в ту ночь закопал добычу и лекарственные травы. Сейчас его главная задача - добыть лекарство для матери, пополнить запасы пищи на зиму. Вот о чём ему следует заботиться, а не о чёрных глазах одного юного ланьцзюня.

А дома, после того как Жун Фэн ушёл, мать, нащупывая рукой стену у двери, выбралась из комнаты. Она жестом подозвала Юаньдина и Гуаньбао, и те тут же подскочили к ней в ожидании её слов. Это отношение разительно отличалось от того, как они вели себя с Жун Фэном - в этой старушке, насквозь пропахшей лекарствами, они почти видели отражение покойного отца. Сами предлагали ей помощь, подавали чай, приносили снадобья. Мать Жун тоже искренне полюбила этих двух младших братьев Бянь Хуна. Дети, будь то шум или в смех, приносили с собой ощущение надежды, наполняли дом жизнью, и благодаря им в повседневности появлялся смысл.

Она притянула одного из малышей поближе, коснулась его старенькой, тонкой ватной куртки, и, в конце концов, только тяжело вздохнула. Затем вернулась в дом, на ощупь нашла свою новую тёплую куртку. Хоть она и была слепа, мастерство швеи у неё сохранилось, и, выдернув всего несколько стежков, она ловко распоролла одну из складок, достала оттуда аккуратные, пушистые клочки мягкого хлопка, собираясь заново набить ими одежду Юаньдина и Гуаньбао.

Бянь Хун, разумеется, был против, но старушка твёрдо замотала головой:

— Мне самой из дома выходить незачем, зачем мне такая тёплая куртка? А вот детям не усидеть в четырёх стенах, нельзя, чтобы мёрзли.

С этими словами она ещё и выгнала Бянь Хуна из комнаты, велела идти заниматься делами и не мешать ей работать.

Так незаметно пролетело несколько дней - Жун Фэн ушёл уже четыре или даже пять дней назад. За это время Бянь Хун вместе с детьми успел насобирать в горах и на склонах немало сухих веток; дровяной сарай был доверху забит, хватит на всю зиму. Но от Жун Фэна не поступало ни малейших вестей. Мать Жун вслух говорила, что давно к такому привыкла, но каждый день всё равно бессознательно обращала взгляд к двери, надеясь увидеть его возвращение.

Даже Гуаньбао начал спрашивать:

— А почему Большой Лев всё ещё не вернулся? Он что, заблудился?

А Юаньдин, нахватавшись от Бянь Хуна разных знаний, рассуждал уже с видом знатока:

— А может, этот старший брат умеет по звёздам дорогу находить?

Бянь Хун на миг задумался, а потом вдруг ответил:

— В лесу куда ни глянь, только высокие деревья, звёзд там, скорее всего, и не увидишь.

Юаньдин удивлённо воскликнул:

— А? — потом немного поразмыслил и тоже начал волноваться. — Если звёзд не видно, так он ведь, получается, и правда мог заблудиться? В горах же опасно... Давай мы с Гуаньбао пойдём его искать, а? Мы ведь очень хорошо умеем находить дорогу!

Малыш, как и положено детям, помнил только храбрость своего похода в горы, но напрочь забыл о том, как вместе с братом с трудом обходил стороной крупных зверей и как они потом замёрзшие плутали, сбившись с тропы.

Бянь Хун на лице не показывал тревоги, но каждый день и во время работы, и в минуты отдыха неосознанно поглядывал к воротам во двор, словно ожидал, что в любую секунду кто-то распахнёт тяжёлую деревянную дверь, войдёт, с торчащим, как жёсткий конский хвост, пучком волос, и, точно лев с глазами разного цвета, вернётся на свою территорию.

И вот, на шестую ночь после того, как Жун Фэн ушёл в горы, когда дети крепко спали и изредка тихо посапывали, Бянь Хун сидел у стены, полусонный, глядя в окошко, за которым на небе едва мерцали звёзды при свете луны. Именно в этот момент дверь тихо, почти неслышно, скрипнула - кто-то постучал снаружи. Бянь Хун тут же вскочил, шагнул к двери и, затаив дыхание, осторожно и негромко спросил:

— Кто там? — спросил Бянь Хун.

Снаружи раздался знакомый голос:

— Я.

Он поспешно открыл дверь, и в ту же секунду застыл, увидев стоящего перед ним человека. На мужчине лежал след пронизывающего холода и метели, брови и ресницы покрылись инеем, а одно плечо было залито кровью.

Жун Фэн осторожно повернулся боком, прошёл внутрь и с трудом перевёл дыхание.

— Потихе, не разбуди мою мать, — негромко сказал он.

Бянь Хун уставился на кровавое пятно, и знакомый запах железа тотчас ударил в ноздри. Где-то в глубине памяти, в теле, начали пробуждаться воспоминания о пережитой смертельной опасности, дыхание его задрожало. Но он всё же кивнул и протянул к мужчине слегка

подрагивающую руку.

— Сними... свою одежду.

<http://bllate.org/book/13502/1199897>